

ПЕТР ШЕЛЕСТ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Юрий Шаповал

Петр Шелест

«ОМІКО»

2013

Шаповал Ю.

Петр Шелест / Ю. Шаповал — «ОМІКО», 2013

В политической истории Украины XX столетия Петру Шелесту (1908–1996) принадлежит особое место. Пройдя нелегкий жизненный путь, он в 1963 году стал первым секретарем ЦК Компартии Украины. Поддерживал Н. Хрущева и его политическую линию, однако оказался среди тех, кто привел к власти Л. Брежнева. Выступал за подавление Пражской весны 1968 года и в то же время блокировал тотальное удушение инакомыслия в Украине. Признавал сталинский авторитет и одновременно требовал, чтобы московское руководство придерживалось официально декларированных принципов в отношениях центра и тогдашних «союзных республик». Был против демонтажа СССР и вместе с тем содействовал укреплению украинских национальных традиций, уважительному отношению к прошлому Украины. В чем же секрет этой амбивалентности Петра Шелеста? Кто и как создал ему имидж «чрезмерного» украинского патриота и даже «националиста»? Как сложилась его судьба после того, как его отправили на «повышение» в Москву, а потом подвергли политическому ostracismu? На эти и другие вопросы стремится найти ответы автор книги.

© Шаповал Ю., 2013

© ОМІКО, 2013

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юрий Шаповал Петр Шелест

От автора

У каждого времени своя правда. Во времена Петра Ефимовича Шелеста правдой было преимущественно то, что писала газета «Правда», – центральный печатный орган правящей Компартии Советского Союза. Упомянутый печатный орган Шелеста сначала поддерживал, потом с немалым энтузиазмом клеймил, а потом просто «забыл» о Петре Ефимовиче.

Зато не забывают о Шелесте ныне. Чего только о нем не пишут... Интернетные авторы то объявляют его одним из «прокураторов Украины», то прадедом «известной российской телеведущей Ольги Шелест» (что, разумеется, не соответствует действительности), то приписывают ему раздачу квартир своим любовницам... Словом, Шелеста то клеймят, то хвалят. На мой взгляд, даже несмотря на декларируемые глупости, это неплохо. Неплохо, поскольку ныне о Петре Шелесте не забывают, как это сделала в 1970-х годах верхушка мощного партийно-государственного класса под названием «номенклатура».

Как можно догадаться, возникло это забвение не само по себе, не автоматически, а по мановению «волшебной политической палочки», которую держали в своих руках тогдашние лидеры. И тут, видимо, стоит коротко коснуться собственно проблемы лидерства. Политологи-теоретики утверждают, что политическое лидерство отличается от политического руководства. Последнее предусматривает достаточно жесткую и формализованную систему отношений господства-подчинения. В то время как политическое лидерство представляет собой власть, осуществляемую одним или несколькими индивидами, с целью стимулировать членов нации к действиям.

Если экстраполировать упомянутые и другие дефиниции на Петра Шелеста, то они отлично ему подходят. Тем более, что действовать ему довелось в эпоху, когда харизма (или ее отсутствие) у лидеров и у просто руководителей подкреплялась значительными номенклатурными «аргументами» (например, членством в высших руководящих структурах, депутатством в тогдашнем смысле слова и тому подобным).

А вообще-то, если даже сделать своеобразный «коктейль» из модных определений понятий «лидер» и «руководитель», Петр Шелест в него прекрасно «впишется». Его личность включала в себя множество разновекторных характеристик. Это же дает основание говорить и об определенных парадоксах Шелеста, что делает его еще более интересным для любого исследователя.

Родом он был не из «національно свідомої» Западной Украины, но его подозревали и в конце концов обвинили в «национализме». Довольно долго он «директорствовал», возглавлял важные для советской системы промышленные предприятия и не стремился делать политическую карьеру. Тем не менее в 45 лет Шелест начал работать вторым секретарем, а в сорок девять – его избрали первым секретарем Киевского областного комитета партии. Вскоре он возглавил Компартию Украины, и кое-кто называл его «директором Украины».

...В конце 1971 года сотрудники тогдашнего всесильного КГБ известили Шелеста о готовящемся на него как на «ставленника Москвы» покушении. Чекисты «вычислили» террористов. Ими оказались двое студентов. Вспоминая об этом эпизоде, Петр Ефимович записал: «Молодые люди высказывают свое недовольство по поводу отсутствия демократических свобод печати и всех средств массовой информации. «Идеология, – говорят они, – навязывает всё и вся... Много чересчур хвастовства об «успехах» внешней и внутренней политики, а о своем собственном народе проявляется мало подлинной заботы. Государственные народные средства

тратятся бесконтрольно направо и налево, под прикрытием «интернациональной помощи». Неприятно все это выслушивать, тем более, что действительно некоторые наши вопросы требуют коренного пересмотра».

«Провожу линию Москвы» – это слова самого Петра Шелеста, записанные для себя же. Тем не менее среди историков, политологов, журналистов утвердилось мнение, что он боролся за большие права Украины, поддерживал ограниченную «украинизацию» и вообще отважился требовать большего уважения к республике, в которой «директорствовал», демонстрировал московским вождям собственное достоинство и подчеркивал необходимость уважительного отношения к прошлому и настоящему Украины.

Еще один достойный обсуждения пикантный штрих. Петр Ефимович воздавал должное Иосифу Сталину как руководителю, поддержал обсуждавшуюся на самом высоком уровне тогдашнего партийного руководства идею сооружения сталинского постаamenta в Москве на Красной площади, неподалеку от ленинского Мавзолея, возле Кремлевской стены. Вместе с тем Шелест понимал, какими методами Сталин достигал успехов, ведь в воспоминаниях того была такая запись: «В то время – 1932–1934 годы – на Украине был страшный голод. На селе вымирали от голода семьями, даже целыми селами. Во многих местах было даже людоедство. Все же когда-нибудь станет известно, сколько же от голодной смерти в эти годы погибло людей. Это было просто преступление нашего правительства, но об этом стыдливо умалчивается, все списывается на успехи и трудности “роста”».

Наконец, одни «знатоки» особый акцент делают на том, что именно при Шелесте были произведены аресты украинских диссидентов, что это он «лоббировал» введение советских войск в Чехословакию в 1968 году. Одновременно другие «шелестоведы» настойчиво напоминают, что это именно Шелест все-таки спас известных украинских деятелей от репрессий, реально помогал развитию украинской культуры, стимулировал на государственном уровне проекты, содействовавшие формированию национальной памяти...

Недостатка в документальных данных и других свидетельствах относительно Петра Шелеста нет.

Издавались воспоминания о Шелесте, публиковались материалы о нем, а также его интервью конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Еще с 1930 года Петр Ефимович делал ежедневные записи о пережитом, а с 1974-го начал работать над мемуарами. Судьба этой рукописи была не такой драматичной, как, скажем, судьба мемуаров Никиты Хрущева. Тем не менее в конце 1970-х годов, по словам младшего сына Шелеста Виталия Петровича, рукопись тщательно прятали, а один из экземпляров даже зарыли в землю, боясь, что КГБ может его изъять. Но все закончилось удачно, рукопись никто не искал. Позже, с началом горбачевской «перестройки», можно было уже реально говорить о возможности ее издания.

Таким образом, есть все основания констатировать, что имеющаяся историография и архивно-источниковая база позволяет составить полноценную научную биографию Петра Шелеста, хотя на сегодняшний день такого рода попыток еще не было. Несомненно они будут, автор же данной книги ставит перед собой скромную задачу лишь очертить жизненный путь и попытаться оценить политическую судьбу Петра Шелеста.

Завершая эту вступительную часть, я хотел бы искренне поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над книгой. Особая благодарность Борису и Виталию Шелестам, сыновьям Петра Ефимовича, а также его внуку Петру Борисовичу. Они консультировали меня, отвечали на мои удачные и неудачные вопросы, помогали в подборе материалов. Отдельное спасибо Татьяне Лободе и Светлане Набок за их помощь и содействие. Я искренне признателен директору издательства «Фолио» Александру Красовицкому за его интерес к истории Украины и к тем, кто ее, собственно, персонифицировал своей жизнью и деятельностью. В XX веке среди них был и Петр Ефимович Шелест.

Глава 1

Путь на политический олимп

Петр Шелест родился 1 (по новому стилю 14) февраля 1908 года в селе Андреевка Змиевского уезда Харьковской губернии (ныне Харьковской области). Отец, Ефим Дмитриевич, после смерти первой жены, от которой осталось двое детей – Яков и Агафия, женился второй раз на вдове Марии Павлюк. У нее уже был сын Семен. А вскоре появилось еще четверо детей – Мария, Петр, Дмитрий и Юлия. Вот такая большая семья. «Когда я родился, – вспоминал Петр Ефимович, – отцу моему было уже за 60 лет. Всю жизнь я его помню только стариком, но стариком красивым, стройным, подтянутым, крепким. У отца была седая окладистая борода, усы и большая шевелюра волос, зачесанных на затылок. Сколько я помню, он всегда и неизменно курил трубку и никогда с ней не расставался. Отец был строг, всегда замкнуто-сосредоточен, малоразговорчив, не любил балагурства. Если у него и были друзья, то только старые, проверенные товарищи по совместной долголетней службе в армии».

Отец Петра был кавалером Георгиевских крестов всех четырех степеней. Именно это, видимо, спасло его от привлечения к ответственности после забастовки на сахарном заводе, где он работал, когда начались политические пертурбации 1905 года.

Шелест вспоминал также, что его отец был человеком грамотным, много читал, откуда-то доставал книги, писал хорошо. Так, что к нему обращались, если надо было подготовить какое-либо «прошение», а также произвести подсчеты и расчеты. Детей он также приучал к грамоте. В 3–4 года, как вспоминал Петр Ефимович, они с братом Дмитрием выучили буквы, цифры, а затем научились читать, писать и считать.

В 1913 году, в шесть лет, Петр пошел в земскую школу, в которой проучился четыре года. Тем временем ситуация в стране начала кардинально меняться. Грянула Первая мировая война, пал царизм в России. «... Жизнь, – вспоминал Шелест, – становилась все труднее и тревожнее. Царя нет, попа тоже нет... А тут начался разбой, появлялись банды, а известно, что трудовой человек не может жить без порядка, определенности, закона... Февральская революция свершилась, но война еще продолжалась. Гибли солдаты, оставались вдовы, сироты, старики без присмотра, семьи без кормильцев... Шла политическая, идеологическая, классовая борьба, но ее мало кто понимал из простых людей».

Чтобы как-то прокормить большую семью, Ефим Дмитриевич обменял свой хороший дом на домишко весьма невзрачный, но при этом взял в придачу 12 пудов зерна-суррогата. Большая семья выживала довольно нелегко в условиях разрухи, голода, политической нестабильности, приносившей страдания простым людям. Приходилось и Петру с матерью из своего села ходить за 30–40 верст на хутора, чтобы принести немного муки, жмыха или какой-нибудь еды. В один из таких походов их настиг в пути буран и они буквально чудом выжили. Вспоминал Шелест и о том, как ему доводилось ездить на станцию Яма за солью: «Пуд соли на двух узлах через плечо, верхом на буфере между вагонами – таков в основном был наш транспорт. Сколько погибло людей, в том числе и моих сверстников, под колесами железнодорожных вагонов! Но соль – это была ценность, на нее можно было выменять хлеб, зерно. Голод заставлял, гнал из дома в поисках спасения от голодной смерти».

Зиму 1919 года семья пережила, все остались целы, однако ранней весной Петр вместе со старшей сестрой Марией отправился на заработки за 95 верст от родного села. Работали они в одном из первых совхозов, организованных на Полтавщине. Обязанностью мальчика было пасти свиней и коров. Потом он стал погонщиком волов, позже работал водовозом и получил прозвище Петька-водовоз. Он очень сильно, эмоционально переживал расставание с домом, с

близкими людьми, тайком даже плакал. Но все закончилось благополучно, и они заработали с Марией денег и вернулись домой. Заработок семье помог, но ненадолго.

В феврале 1920 года, в 12 лет, Петр стал батраком у зажиточного крестьянина на хуторе за 20 верст от его родного села. Новый хозяин поставил условие: служить не менее года и делать по хозяйству все. За это он давал семье Шелест четыре пуда пшеницы, а по окончании срока работы обещал одеть Петра «с ног до головы». Кроме того, было обусловлено, что в случае добросовестной работы при окончательном расчете мальчик получит еще пуд пшеницы и пуд проса.

В напряженную пору сельхозработ новый хозяин Шелеста нанимал еще 10–15 человек рабочих, мужчин и женщин. Работали они от ранней зари до позднего вечера, ночуя часто прямо в поле. «Я, – вспоминал Петр Ефимович, – хотя и не голодал, но часто жил впроголодь, в особенности когда уходил в ночное с лошадьми. Хозяйка была скупой и жадной. Она мне давала кусочек хлеба, причем черствого, луковицу и немного соли. Иногда мать хозяина украдкой от невестки совала мне в торбу кусочек сала».

И хотя у Петра возник конфликт с хозяином и тот побил его кнутом, на всю жизнь оставив на теле клеймо в виде буквы «з», все пункты соглашения были через год соблюдены. Петр приехал домой в новой красивой одежде, не захотев продлить «контракт», хотя ему это предлагали.

А в 1921 году Шелест стал «почтальоном-кольцовиком». Ему выдали казенную форму, специальную сумку для почты, ботинки, форменную фуражку с какой-то эмблемой. Протяженность его «кольца» составляла 45 верст, в него входило 15 сел и хуторов. За неделю надо было сделать три «кольца» – то есть пройти около 150 верст! Сверстники завидовали Петру, считая его вполне взрослым, поскольку он состоял на службе у государства. Однако Шелест считал, что это дело не его, что ему нужна другая работа. В 1922 году, приписав себе в документах то ли год, то ли два, он пришел на железную дорогу.

Сперва работал грузчиком, потом – ремонтным рабочим. «Мне, – напишет позже Шелест, – на ремонте путей приходилось делать все: менять шпалы, производить их подштопку и подбойку, заправлять бровки пути и расстилать щебенку между шпал, сменять накладки и подкладки на рельсах и шпалах. Научился я забивать костыли мастерски, за 3–4 удара, проверять шаблоном расшивку рельсов, оставив нужный зазор на их стыках... Костыльщик – это уже была квалификация, да она и оплачивалась выше рядового рабочего».

Весной 1923 года «путейную артель», в которой работал Шелест, перебросили на станцию Жихор, а затем – на большой железнодорожный узел Харьков – Основа для проведения ремонтно-восстановительных работ. Работать стало тяжелее, значительно увеличилась объем. Условия жизни были ужасными: артель разместили в казарме с нарами и соломой. Ни света, ни воды, ни туалета. Еду рабочие готовили себе сами на кострах.

Именно в ту пору Шелест заболел малярией, которую тогда называли лихорадкой. Его действительно лихорадило, жар сменялся ознобом, он похудел и ослаб. О болезни узнали родители и просили вернуться домой, но Петр держался, не хотел подвести семью. И тогда для «подкрепления» к нему приехала мама. Она привезла пшено, картошку, хлеб и два куска сала. Но главное – она привезла Петру где-то раздобытое лекарство, хинин, благодаря которому он вылечился и продолжил работать.

Приехав домой в отпуск, Петр познакомился с бывшим учителем гимназии, а ныне директором семилетней школы Перцевым. Он уговаривал Шелеста окончить семилетку, и он же рассказал о комсомоле. На семилетку Петр не согласился, поскольку был основным работником в семье, а комсомолом заинтересовался, хотя конкретного представления о нем не имел.

Вскоре Шелест стал рабочим Харьковского паровозоремонтного завода. Сперва был подручным слесаря, потом слесарем, помощником кочегара, позже кочегаром паровоза, стажировался на помощника машиниста паровоза. В общем-то он собирался стать кадровым

железнодорожником. В октябре 1923 года Шелест вступает в комсомол, хотя родители были категорически против этого. Петру даже довелось пережить личную драму, поскольку его тогдашняя девушка, его первая любовь Паша Шморгунова, пела в церковном хоре. Шелест уговаривал ее бросить хор и идти в комсомол вместе с ним, однако уговоры ни к чему не привели, а встречаться со «служительницей религиозного культа» ему теперь не позволял его новый статус.

Когда семья узнала, что Петр стал комсомольцем, разразился большой скандал. Мать ругалась и плакала, а отец занял позицию более взвешенную. По воспоминаниям Шелеста, он говорил матери: «Брось ругаться и голосить, надо разобраться с этим вопросом. Ты ведь ничего в этих делах не понимаешь». Когда Петр рассказал отцу о том, чем он и его товарищи занимаются, «его больше всего привлекло то, что мы читаем книги. Он попросил меня показать ему книгу, по которой мы занимаемся. Это была «Политграмота» Коваленко. Отец внимательно просмотрел комсомольскую политграмоту. Не знаю, разобрал ли он что в ней, но одобрительно сказал: “Это хорошо, что вы читаете книги. Чтение книг – это образование”».

Но не только чтением книг, дискуссиями, руководством кружка по ликвидации безграмотности довелось заниматься Петру Шелесту в комсомоле. Пришлось ему и оружие в руках подержать, поскольку он и несколько его коллег вступили в ЧОН – Части особого назначения. Это были военно-партийные формирования, создававшиеся большевиками в 1919–1925 годах для помощи большевистским органам в борьбе против тех, кого объявили «контрреволюционерами».

С подозрением отнеслись сначала к Петру и его товарищи по работе, когда узнали, что он вступил в комсомол. Они думали: раз комсомолец, значит, будет регулярно сообщать об увиденном и услышанном «куда следует». Однако вскоре отношение к Шелесту изменилось. К этому же времени относится еще одна любовная коллизия в жизни Петра.

Его мама, как и раньше, работала на поденных работах – стирала белье, убирала квартиры, полола огороды. И вот однажды она попросила Петра пойти с ней в дом к одной вдове поколоть дрова. У вдовы, властной и красивой женщины 45 лет, было двое детей – сын Михаил, работавший телеграфистом, и дочь Юлия, девушка 16 лет, окончившая гимназию и собиравшаяся поступать в Харьковский университет. Шелест поколот дрова, после чего его пригласили зайти в дом. Потом он вспоминал: «Дом был в 6–7 комнат. Деревянные полы, венские стулья, ковры, зеркала, комоды, картины и даже граммофон. Все это я видел первый раз в жизни и даже как-то обомлел от этой роскоши и красоты... В этом доме я впервые пил настоящий чай, да еще с лимоном, о котором я до этого не имел понятия».

Но главное, конечно, было не в лимоне, а в привлекательной, воспитанной и образованной Юле. Понятно, что Петр в нее влюбился. Юлия давала ему книги для чтения, многое поясняла, они обсуждали прочитанное, а потом девушка ответила на его чувства взаимностью. «С Юлей, – вспоминал Петр Шелест, – наши «симпатии» зашли дальше, чем мы предполагали, и мы с ней уже повели разговор о женитьбе. Но это было только наше желание и решение... Первой воспротивилась этому моя мать, заявив, что она не хочет быть вечной прислугой у молодой барыни. Мать Юлии тоже была против, потому что я из простой семьи и необразованный рабочий. Все это нас огорчило, но против воли родителей мы пойти не могли». Не соединились их судьбы, но Шелест на долгие годы сберег память о теплоте тех отношений. А Юлия стала комсомолкой, закончила институт, работала учительницей, завучем и директором школы.

Тем временем Петра вырвали из «железнодорожного» контекста и вписали в контекст вполне политический. Он стал секретарем комсомольской ячейки в селе Петровском. Была это так называемая освобожденная (то есть оплачиваемая и основная) работа, хотя числился он заведующим избой-читальней. Работал Шелест немногим больше года, а потом началась учеба, о которой он давно мечтал.

В 1926–1927 годах Петр учился в Изюмской советско-партийной школе (совпартшколе) – был, как потом сам он написал в анкете, «курсантом» этой школы. Такие школы создавались в 1920–1921 годах и действовали до 1936 года. Готовили они пропагандистов, заведующих избами-читальнями и организаторов кооперативного строительства. Наибольших успехов Шелест достиг в изучении истории, политэкономии, экономической географии и ботаники. Там же, в Изюмской совпартшколе, Петр сначала стал кандидатом, а в апреле 1928 года членом ВКП(б). После окончания школы он был направлен на работу в районный центр Боровая Изюмского округа в качестве секретаря районного комитета комсомола. Работал там Шелест до сентября 1928 года.

Интересно, что перед тем, как занять эту должность, Петр получил отпуск и приехал домой, к родителям. Тогда же в село приехал и его младший брат Дмитрий. И вот что братья увидели: «Наша хата-завалюха совсем вросла в землю – окна и двери перекошились, здесь всегда чувствовалась сырость. Нас, молодых, этот «дворец» просто угнетал... Отец и мать уже были престарелыми, и нам с Митей очень хотелось, чтобы на старости лет они пожили в хорошем доме. Мы решили с Митей сломать старую хату и срочно на ее месте построить новый домик», – вспоминал позже Петр Ефимович.

И вот братья сами начертили план, сделали чертежи будущего дома, составили смету, нашли мастеров, договорились о ценах.

Родителям о замысле не сказали ни слова. Воспользовавшись тем, что отец уехал на несколько дней, они начали работу. За два дня с друзьями разобрали старый дом, весь домашний скарб перенесли в сарай, где и жили до окончания строительства, которое успешно завершили через месяц. Дом был покрыт оцинкованным железом, вместо земляных полов были настланы деревянные. К отъезду братьев заканчивалась кладка печного очага.

В своих воспоминаниях Петр Шелест пишет, что в 1929 году он в порядке комсомольской мобилизации вместе с председателем профсоюза Райрабземлеса Иваном Шеховцовым был направлен на учебу во Владикавказскую горно-пулеметную школу. Пробыли они там недолго, поскольку какая-то комиссия, приехавшая с проверкой, пришла к заключению, что посланцам с Украины делать в этой школе попросту нечего. Шелеста и Шеховцова направили в распоряжение Изюмского окружного военкомата. Когда же они туда приехали, им сказали, что произошло недоразумение и что они свободны. Однако места Шелеста и Шеховцова в Боровой уже были заняты. Кто знает, что было бы, если бы Петр не встретил на улице Крумголец, бывшую преподавательницу Изюмской совпартшколы, которая повела его к секретарю окружного комитета партии Рудковскому. Тот порекомендовал Шелесту поехать учиться в трехгодичную партийную школу имени Артема в Харькове.

Сам Петр Ефимович в анкете, заполненной 15 ноября 1949 года, ни словом не упоминает о Владикавказской горно-пулеметной школе, но указывает, что в 1928–1929 годах был курсантом совпартшколы в Харькове, а потом пишет о вступлении в 1929 году в Харьковский инженерно-экономический институт. Видимо, в анкете Шелест писал кое-что для «упрощения». На самом деле в 1930 году он пробовал из трехгодичной партшколы имени Артема поступить в Харьковский институт народного хозяйства, однако попытка не увенчалась успехом, Шелест получил двойку по математике. Но таких неудачников, как он, набралось 30 человек.

Все они заподозрили, что тут что-то неладное, что их «отсеивают» специально, поскольку они коммунисты и вообще «пролетарского» происхождения. Тогда вся эта группа пошла к ректору, которому хватило мудрости предложить создать из пришедших специальную ускоренную группу рабфака, чтобы через полгода усиленной подготовки зачислить их всех в вуз. Ровно через шесть месяцев Шелест и вся упомянутая группа стали студентами, а вскоре институт переименовали в Инженерно-экономический.

И в трехгодичной школе имени Артема, и в обоих институтах с 1929 по 1932 год Петр Шелест исполнял ряд партийных поручений, в частности, был председателем исполнительного

бюро, секретарем комсомольской организации института, членом его партийного комитета. Именно тогда Шелесту и еще одному старшекурснику поручили написать брошюру об опыте работы комсомольско-производственной коммуны на заводе «Серп и молот». Брошюра была написана, и это, видимо, был для Петра Шелеста первый опыт публичного «писательства», который через много лет закончится для него весьма неудачно. Но речь об этом впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.